

Радлов С.Э.

22/8/89

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА — 1989 — 22 авг. — с. 6

22 августа 1989 г.

ГОДЫ, ЛИЧНОСТЬ, СУДЬБА

Поднята завеса над трагической судьбой крупнейших деятелей советского театра. Мейерхольд, Курбас, Михоэлс, Ахметели... Но одно имя, пройдя этап юридической реабилитации в конце 50-х годов, пока еще не вышло на орбиту гласности 80-х и, как нам кажется, не получило до конца реабилитации фактической. Речь идет о прекрасном режиссере, одном из заметных деятелей советского театра 20—30-х годов — Сергее Эрнестовиче Радлове.

Сын известного философа Э. Радлова, выпускник факультета классической филологии Петроградского университета, эрудит, знавший несколько языков, Сергей Радлов, пройдя учебу в Студии Вс. Мейерхольда на Бородинской, стал в послереволюционное время одним из активных строителей советского театра — режиссером, театральным педагогом, театриком искусства.

Несчастия, выпавшие на долю С. Радлова, не связаны с репрессиями 30-х годов. Судьба тогда его сберегла, а популярность достигла зенита. Особенно интересной была его работа над шекспировскими пьесами. Он поставил в Москве «Отелло» с Остужевым в Малом театре, «Короля Лира» в ГОСЕТе, взрастил на студийных началах популярнейший в предвоенном Ленинграде Театр имени Ленинградского Совета, где шли «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Гамлет»...

Жена и творческий друг режиссера — поэтесса и переводчица шекспировской драматургии Анна Дмитриевна Дармолатова-Радлова имела право считать, что ее союз с мужем скреплен Шекспиром.

Перед войной режиссер-орденоносец получил почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Артистов-радловцев любили ленинградцы. Когда началась война, руководство города оставило «насовсем» в Ленинграде вместе с Театром музыкальной комедии и Театром имени Ленинградского Совета.

В блокаду радловцы работали до последней возможности. Голод, дистрофия были участью всех. По последнему хрупкому мартовскому льду Ладоги в 1942 году радловцев вместе с их семьями эвакуировали в Пятигорск.

Уже через четыре месяца опасность оккупации Пятигорска стала реальной. 8 августа 1942 года город покинул кто мог и как мог. Не хватало транспорта. В ночь с 8 на 9 августа благодаря счастливой случайности часть коллектива смогла уехать из Пятигорска. Секретарь парторганизации театра Вольдемар Янович Чобур встретил своего знакомого по Ленинграду — подполковника танковой военной школы. На машины школы, доверху загруженные военным имуществом,

усаживали по 2—3 человека. Машин было мало. Уехать смогли далеко не все. А утром в город вошли фашисты...

Отсутствие достоверной информации, особенно в военное время, порождает слухи, домыслы, извращенные толкования фактов. Достаточно кому-то начать...

Ложь устная, и в этом ее преимущество, неуловима. Но в данном случае она оказалась зафиксированной печатно — человеком, так же мало желавшим вникнуть в правду, как и те, кто его информировал. Писатель Д. Щеглов в книге «Уполномоченный военного совета» (издательство «Советский писатель», М., 1965 — это уже через 7 лет после реабилитации С. Радлова и его жены!) представляет картину того трагического времени как обдуманное предательство С. Радлова. Д. Щеглов в главе «Шила в мешке не утаишь» пишет о том, как проездом в военной Москве он встретил бывшего радловского актера и актрису (заметьте, что актриса не была в пятигорской эвакуации), которые — цитируем, — «волнуясь, рассказали о том, как Радлов во время панического бегства жителей из Пятигорска пытался удерживать весь коллектив, суля им настоящее, большое творчество. Где? В гитлеровской Германии. ...Секретарь парткома хотел как будто в него стрелять, но почему-то не выстрелил, а дал пощечину. Поднялся шум и гам... Надо было немедленно решать, актеры раскололись и часть... осталась с Радловым!»

«Я думаю, — резюмирует Щеглов, — что основное сообщение верно: Радлов, который получил от нас все, что только можно: почет, награды, материальные блага, склонял к измене Родине. И это суть!»

Как непатриотов Сергея Эрнестовича и Анну Дмитриевну Радловых судили в 1945 году, приговорив к девяти годам лагерей. Анна Дмитриевна скончалась в лагере в 1949 году. Адрес С. Радлова до 1953 года был: Ярославская область, г. Щербаков, станция Переборы, п/я 229/1. Дробь менялась с переменной работой: вначале это драматический коллектив с веселым названием «Джаз», затем механический завод, куда режиссер переходит в надежде (так и не оправдавшейся) на сокращение лагерного срока.

Тот, кто читал документальную повесть Лины Глебовой «Дело Колесникова», опубликованную в журнале «Звезда» (1968, № 9, 10), наверняка запомнил главу о пленении в Пятигорске части радловского коллектива, написанную в форме рассказа-монолога Марии Петровны, бывшего парикмахера театра: «Про наш театр одно время много разговоров было, что Радлов-театр нарочно немцам оставил, что антисовет-

В годы революции Сергей Радлов заявил себя самым левым после Мейерхольда петроградским режиссером.

Когда в 1919 году Вс. Мейерхольд покинул Петроград, созданные им курсы мастерства сценических постановок (Курмассеп) он передал своему ученику и помощнику Радлову.

Театр Радлова «Народная комедия» был площадкой для всех. Его посещал А. Блок. В веселых импровизациях там партнерствовали актеры драмы, клоуны, эксцентрики, жонглеры и воздушные акробаты. Сценарии ладил сам постановщик.

На сцене Андромеды (б. Александринский) Радлов ставил классиков (Аристофан, Шекспир) и современников (Толлер, Замятин). Отелло у него играли в очередь Юрьев и Певцов.

В Анопер (б. Мариинский) он ставил «Бориса Годунова» по авторской партитуре, «Любовь и трем апельсинам» Прокофьева, оперы Шрекера, Альбана Берга. На афише балетов Асафьева «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» Радлов значился постановщиком. Ему принадлежал сценарий балета Прокофьева «Ромео и Джульетта». Вдобавок он выпустил на разных сценах шесть опереточных спектаклей, работал с Маяковским над планом цирковой пантомимы «Москва горит».

Много внес Сергей Радлов и в студийное движение, театральную педагогику, преподавая в Техникуме сценических искусств и возглавляя Молодой театр —

«Так расскажи правдиво...»

ский спектакль поставили. Я отвечаю и повторяю: «Нет, неправда, не так было!»

Эта глава интересна произведением гнетущей атмосферы плена, необходимости давать спектакли по приказу врага и часто для него. Но зрители-соотечественники возвращались к работе высокий смысл: «Слово русское в полный голос со сцены — это ж бог знает что было, зал замирал... Горе из актеров игрый выходило. И в зале чувствовали это. Потому что горе было общее».

Линия поведения С. Радлова: веря в победу Родины, не опорочить себя никакими сделками с фашистами, морально и творчески сохранить театр, играть только классический репертуар. Классика тогда мощно звучала как индикатор о вечной борьбе добра и зла. В этом суть «Гамлета», «Бесприданницы», «Без вины виноватых» — основы радловского репертуара.

Фашисты предлагали С. Радлову, у которого в предках были выходцы из Германии, принять немецкое подданство. Он ответил им, что умрет русским, любящим Родину.

Из Пятигорска радловские актеры были вывезены немцами в Запорожье. Здесь они работали семь месяцев в одном помещении с украинской труппой, которой руководил режиссер Николай Константинович Макаренко, тоже попавший в плен. В 1970 году в киевском издательстве «Ра-

дянський письменник» выходит его книга «Две зимы надежды», где он рассказывает о героическом противостоянии вражеской силе работников искусства на оккупированной территории.

В рукописи книги была глава о театре под руководством С. Радлова, перед чьим талантом и знаниями преклонялся его украинский коллега. Увы, редакция издательства посчитала для себя безопасней не печатать эту часть.

К счастью, вдова режиссера Г. Н. Залеская недавно разыскала рукопись. Выброшенная глава — свидетельство огромной любви жителей украинского города к искусству радловцев. Для них оно было частицей высокой духовной культуры советского Ленинграда. Узнаем и о сложных взаимоотношениях С. Радлова с представителями немецких властей. Коротко-дипломатичные по форме, они походят на изнурительные шахматные поединки. Проигрыш — значит смерть.

«Сергей Эрнестович, — пишет Н. Макаренко, — всегда подчеркивал перед немцами, что он русский и пленный. Ощущение плена не покидало его никогда. ...Печальные минуты прощания с радловцами... Их вывозили наскоро. Сергей Радлов стоял у открытых дверей теплушки, беспомощно глядя на немецких солдат и своих артистов, которые погружались в вагоны... А Анна Дмитриевна,

отведя меня в угол вагона, горячо шептала: «Сделайте так, чтобы нас освободили партизаны! Сделайте так!»

Передо мною фотография Анны Дмитриевны Радловой. Ее любимая на снимках поза — профиль. Строгая красота и достоинство. На обороте — надпись: «Дорогому и талантливому Николаю Константиновичу Макаренко до радостной творческой встречи, Анна Радлова. 13-VI-43».

Радости в жизни этой женщины уже не было никогда. Ей оставалось жить 6 лет — из них год бедствовать с театром за рубежом — вначале в фашистском Берлине, затем на юге оккупированной Франции. Около года длилось следствие на Лубянке, после чего потекли убивающие ее четыре лагерных года. Она была оторвана от сына. Тяжелая болезнь почек и сердца сокращала дни... Нет, радость все же была: неизвестно, каким чудом, по чьему милосердию она оказалась с мужем в одном лагере, рядом. Очевидно, судьба вяла голосу поэтессы, загадавшей еще в молодости:

Если смерть нам судил рок,
Умереть хочу у тебя на плече.

Мне посчастливилось встречаться с участниками этого беспрецедентного двухгодового театрального турне под дулами врагов. Конечно же, версия Щеглова рухнула с первых же слов разговора с заслуженной артисткой РСФСР Тамарой Евгеньев-

Театр-студию п/р Радлова — Театр имени Ленинградского Совета.

В 30-х годах Радлов — главный режиссер Ленинградской Аноперы, затем художественный руководитель Андромеды. Он режиссировал шекспировские спектакли в Москве (в ГОСЕТе и Малом театре), готовил пушкинского «Бориса Годунова» с труппой МХАТа. Но собственный студийный театр оставался для него на первом месте.

Мне посчастливилось видеть его «Отелло» с Остужевым, его драматические, оперные, балетные постановки на ленинградской академической сцене, многие работы его студийного театра. Это был значительный мастер. Это был и глубокий мыслитель о театре, блестящий оратор, остроумный полемист.

Когда пришла война, Радлов и радловцы проявили мужество: первую, самую страшную зиму ленинградской блокады они героически работали в городе. С эвакуацией в Пятигорск началась пора испытаний. Но и там радловцы выпустили несколько премьер, дали концерт, сбор от которого пошел на строительство танковой колонны. Высадка немецкого десанта круто сломала судьбу коллектива...

Публикуемая статья В. Гайдабуря, театроведа из Запорожья, предлагает интересные размышления о трудной участи Радлова и его театра. В скрудную пока что литературу на эту тему вписана свежая, достоверная страница.

Д. ЗОЛОТНИЦКИЙ,
доктор искусствоведения,
ЛЕНИНГРАД.

программках радловцы снова именуются артистами Ленинградского театра имени Ленинградского Совета. Счастью нет предела, когда вскоре после приезда в Париж Сергей Эрнестович сообщает: «Меня вызывают в Москву на переговоры о будущей работе».

...В Москве сошедших с трапа самолета С. Радлова и его жену увозят на Лубянку. Артисты, удивляясь столь долгому молчанию своих руководителей, ловя по приемнику новости Москвы, продолжают давать концерты и играть спектакль, название которого символично: «Без вины виноватые»...

...Александра Михайловна Касаткина-Трофимова показывает мне открытку — отель Экебель в поселке Лаванду. Это на юге Франции — там жили артисты-радловцы в конце войны. На ее обороте рукой артистки — телеграфные фразы: «Париж, 26 июня 1945 года. На аэродроме. 6 утра — грузимся. 6 час. 40 мин. — загудел мотор. В 6 час. 45 мин. — пока-тили. В 6 ч. 51 мин. — оторвались от земли». Актеры улетели в Москву на самолете эскадрильи «Нормандия — Норман».

Кажется, все ясно... И все же картина, нарисованная с таким размахом фантазии — секретарь парторганизации В. Чобур дает пощечину С. Радлову, — как-то продолжает магически действовать на меня. Нужно было опровержение самого Вольдемара Яновича. Увы, его уже не было в живых.

От моих собеседников я узнал, что В. Чобур после войны все время поддерживал связь с Радловым, находившимся в лагере, даже навестил его там. Тогда не какий-то родственник шел на это.

Переписка В. Чобура с С. Радловым длилась 12 лет — восемь лет заключения режиссера, а затем четыре года его работы в Латвии — в Даугавпилском и Рижском русском театрах. Радлов, по его словам, получал от своего бывшего ученика и артиста письма «не какие-нибудь, а с такими в них строками, которые радуют, волнуют, делают жизнь лучше, веселее, более выносимой»...

В архиве В. Чобура, с которым меня познакомил его вдова Л. Г. Астахова, сохранился черновик одного из его первых писем, адресованных С. Радлову в лагерь. Уже начало этого страстного послания, написанного в марте 1946 года, окончательно и бесспорно замыкает круг моих поисков и сопоставлений. Интуиция Щеглова опровергается здесь самим В. Чобуром:

«В Ленинграде до войны, Сергей Эрнестович, вам заговаривали, вы вели себя порой непримиримо со многими вашими коллегами. Многие Сальери не могли простить Моцарту. Они держали камень, не решаясь тогда его бросить в вас. И вот после

пятигорской трагедии всякая ложь и вымысел легко прилипали к вам. Многому в вашем поведении нетрудно было придать иной смысл, что и делалось теми, кто держал камень... Этот ручеек вылился в бурную реку словоблудия. Мне было трудно в утлой лодочке совести-правды плыть в этой бурной реке. Лодку заливало, грозя утопить. Порой мне казалось, что я не выдержу и окунусь (ведь мне никто не мог помочь, не мог поддержать, а объективные обстоятельства из месяца в месяц не приносили утешения), и только глубокая вера и любовь к вам помогла мне преодолеть бури и прилечь к берегу. Теперь я вознагражден. Я чист перед своей совестью. Чист перед всеми честными людьми».

Ложь, ох, как живуча, особенно, когда ее питает общественная несправедливость. Но правда — бесмертна. Рано или поздно она является людям.

В 1951 году (время отнюдь не легкое) В. Чобур, получив звание заслуженного артиста Латвийской ССР (тогда он работал в Рижском театре русской драмы), прислал С. Радлову в лагерь телеграмму, исполненную благодарности к учителю...

В прошлом году исполнилось тридцать лет, как С. Радлов скончался в Риге. Его работа в Латвии, шекспировские постановки здесь — тема особая, по-своему драматичная.

...Я стоял у могилы Сергея Эрнестовича на Рижском кладбище. На памятнике режиссеру застыл летящий, колющий почерк. Так писала Анна Радлова. В ее переводе начертана предсмертная просьба шекспировского Гамлета:

Пусть будет так...
Гораздо, я мертв.
А ты живешь — так
расскажи правдиво
Все обо мне и о моих делах
Всем, кто захочет знать.

В день 30-летия со дня смерти С. Э. Радлова у его могилы впервые собралось так много людей, знавших его талантливого, деятельного и добрую натуру. Впервые было возложено так много цветов. Союз театральных деятелей Латвии организовал первый вечер памяти режиссера. В Ленинграде состоялся вечер семьи Радловых. Будто оборвался долгий, тяжкий сон. О патриотах сказали наконец, что они — патриоты. О талантливых людях — что их творчество принадлежит отечественной культуре.

Валерий ГАЙДАБУРА,
кандидат искусствоведения.

Сергей Эрнестович и Анна Дмитриевна Радловы. Предвоенные годы.

Фото С. Крюкова.